

УДК 340.1

DOI 10.25205/2542-0410-2021-17-2-5-13

Право в культурном измерении

Е. Г. Лукьянова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Москва, Россия*

Аннотация

Предпринята попытка определить место права в системе культуры исходя из культурологических исследований и выводов правовой науки; использован междисциплинарный подход. Правовые ценности свободы, справедливости и формального равенства занимают доминирующее положение в системе индивидуалистического типа культуры. Показывается динамика правовых ценностей в контексте динамики культуры, развивающейся в направлении все большего признания постматериалистических ценностей самовыражения и рациональности – ценностей свободы, справедливости, равенства, толерантности, взаимопомощи и сотрудничества. С опорой на социологические данные делается вывод о роли права в системе социокультуры как ценностного и институционального фактора прогресса и результата социального развития. Междисциплинарные исследования культур подтверждают основную социальную правовую закономерность – движение ко всё большей свободе и равенству всё большего числа людей.

Ключевые слова

культура, право, формальное равенство, справедливость, правовые ценности, прогресс

Для цитирования

Лукьянова Е. Г. Право в культурном измерении // Юридическая наука и практика. 2021. Т. 17, № 2. С. 5–13. DOI 10.25205/2542-0410-2021-17-2-5-13

Law in the Socio-Cultural Dimension

E. G. Lukyanova

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russian Federation*

Annotation

The article uses an interdisciplinary approach to determine the place of law in the system of culture, based on cultural studies and the conclusions of legal science. The legal values of freedom, justice and formal equality occupy a dominant position in the system of the individualistic type of culture. The article shows the dynamics of legal values in the context of the dynamics of culture, which is developing in the direction of increasing recognition of the post-materialist values of self-expression and rationality-the values of freedom, justice, equality, tolerance, mutual assistance and cooperation. Based on sociological data, the author draws a conclusion about the role of law in the system of socioculture as a value and institutional factor of progress and the result of social development. Interdisciplinary studies of cultures confirm the basic social and legal pattern-the movement towards greater freedom and equality of an increasing number of people.

Keywords

culture, law, formal equality, justice, legal values, progress

For citation

Lukyanova E. G. Law in the Socio-Cultural Dimension. *Juridical Science and Practice*, 2021, vol. 17, no. 2, p. 5–13. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2021-17-2-5-13

Культура как сложное и многогранное явление, не так давно ставшее объектом научного исследования, сегодня изучается различными науками. В конце XIX – начале XX века складывается наука о культуре в широком смысле как второй природе, изучающая поведение человека и результаты его деятельности – культурная антропология. В конце 30-х годов XX века американский ученый Л. А. Уайт предпринял попытку обоснования новой науки о культуре, антропологической субдисциплины – культурологии, отличной от культурной антропологии [1]. Во второй половине XX века складывается множество междисциплинарных областей исследования культуры: социальная антропология, этнопсихология, психологическая антропология. В настоящее время широко распространено представление о культурологии как собирательном понятии, включающем комплекс различных научных дисциплин и субдисциплин: философию культуры, социологию культуры, психологию культуры, культурную антропологию, прикладную антропологию и др. Именно в указанном широком понимании чаще всего используется данный термин.

В науке о культуре сложились два подхода к исследованию культур: описательный, в основе которого лежит культурный релятивизм [2], имеющий определенные моральные обоснования в виде тезиса о равноценности культур, нередко используемого в политических целях для оправдания аморальных и неправовых культурных практик, и научный поход, нацеленный на выявление общих законов, базовых элементов, лежащих в основании культуры, позволяющий их, во-первых, сравнивать и, во-вторых, изменять [3]. В основании культурологических научных обобщений лежат обширные эмпирические исследования, в частности, Всемирное и Европейское изучение ценностей – исследовательские проекты, фиксирующие эмпирические данные о ценностях и их динамике. Применение таких методик в отношении права – пока еще редкость, правовые изыскания в отечественной науке имеют преимущественно формально-догматический или рационально-логический характер. В обоих случаях правовые исследования проводятся изолированно, право изучается вне связи с иными социальными явлениями и вне культурного контекста, что может приводить к искажению научного правового знания. Изучение права в контексте культуры, социальных явлений, таких как культура, экономика, политика, являющееся наиболее заметной современной тенденцией развития правовой науки в мире, даст возможность рассмотреть правовые закономерности в системе культурных закономерностей, позволит соотнести правовое знание с научными достижениями других социально-гуманитарных наук, опровергнув ложные суждения и, напротив, подкрепив истинность верных, и в конечном счете позволит углубить правовые исследования и обогатить правовую науку новыми знаниями.

В данной статье поставлено несколько задач. Первая – определить место права в системе культуры, опираясь прежде всего на культурологические исследования. Выполнению этой задачи будет также способствовать соотнесение знаний о праве, полученных в рамках юридической науки с эмпирически полученными знаниями в культурологии. Вторая задача – определить роль права в системе культуры.

Все существующие подходы к изучению права также можно редуцировать до двух: философско-рационального и эмпирического. В рамках философско-рационального подхода преимущественно дедуктивными приемами обосновывается понятие права как единства принципов (начал) справедливости, свободы и равенства [4; 5], аксиоматической посылкой для которых выступает тезис о разумной и, следовательно, свободной природе человека. Человек разумен и, следовательно, свободен, он может выбирать вариант поведения из нескольких альтернатив. Свобода выбора лежит в основе свободы внешнего поведения личности: возможности распоряжаться собой и своим имуществом, а также недопустимости принуждения – ограничения такой возможности.

Свобода внешнего поведения лица в обществе фактически может быть реализована при условии формального равенства – равенства людей в свободе – и только после этого она становится правом [6. С. 9–10]. Право есть нормы, определяющие и/или обеспечивающие равенство людей в свободе, конкретизированные в системе прав и свобод человека и гражданина, сегодня общих и единых для всех людей благодаря развитию международного права.

Доктрина прав человека, в основании которой лежит идея права как равной и справедливой меры свободы лица в социуме, рассматривается не только как идейная основа правовой государственности демократических стран мира, но и нормативные границы поведения всех субъектов в современном обществе. Равенство людей в свободе обуславливает справедливость: эквивалентность, соразмерность в человеческих отношениях, в свою очередь складывающихся из субъектов и их поведения, а также объектов. Справедливость предполагает, во-первых, равенство субъектов отношений в свободе их внешнего поведения, во-вторых, уравнение, приведение к эквиваленту объектов, из-за которых люди вступают в отношения друг с другом, будь то материальные или духовные блага или результаты свободного поведения субъектов (результаты действий). Второй аспект справедливости предполагает уравнение содеянного и воздаяния за него, в частности в случае нарушения свободы другого лица [7. С. 9]. Так, Дж. Ролз, один из современных авторитетных философов, теоретиков справедливости, утверждает следующие принципы справедливости, которые люди бы определили в условиях беспристрастности и неведения относительно своего положения: 1) принцип равенства людей в свободе (каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных свобод, совместимых с подобными схемами свобод для других) и 2) принцип распределения социальных и экономических неравенств таким образом, чтобы: а) от них можно было ожидать преимуществ для всех, б) доступ к положениям и должностям был бы открыт всем [8. С. 66].

К реализации идеи права в социальной жизни и формированию правопорядка человечество идет последовательно и неуклонно.

В настоящее время, благодаря развитию позитивистской методологии, мы можем плодотворно исследовать право эмпирическими приемами. И если подходить к этому процессу научно, правильно очерчивая границы использования эмпирических приемов, то с социологической и даже формально-догматической точки зрения мы приходим к аналогичным знаниям. Так, с социологической точки зрения право предстает перед нами как совокупность моделей (принципов и норм) внешнего поведения свободных и равных в свободе индивидов, обеспечиваемых соответствующими институтами [9. С. 42; 10. С. 6], а также правила, устанавливающие и/или обеспечивающие равные меры свободы внешнего поведения лица в социуме. Разумный формально-догматический подход к праву как системе писанных официальных текстов также позволяет увидеть право как систему официально признанных писанных правил, имеющих логический и ценностный источник в системе основных прав и свобод человека, зафиксированных в конституциях современных развитых стран и выступающих как равные и справедливые меры свободы личности в обществе.

Как правила и модели социального поведения, право является культурно обусловленным и в то же время, будучи в форме правового сознания, выступает элементом субъективной культуры и участвует в формировании культуры в целом.

Как отмечалось, в настоящее время в культурологии доминирует научный подход, исследовательские проекты нацелены на выявление общих закономерностей в развитии разнообразных культур. К таковым можно отнести тенденцию объединения различных культур в так называемые культурные модели или синдромы, которые, в свою очередь, складываются из элементарных форм (базовых элементов субъективной культуры) социального поведения. Ведь любая человеческая культура формируется из поведения людей, которое не является всякий раз оригинальным и в котором можно увидеть определенные единые для разных обществ модели или элементы. Эти элементарные формы социального поведения, как следует из названия, выступают базовыми элементами, из которых складывается культура того или иного общества.

Так, известный современный антрополог А. П. Фиск к базовым элементам субъективной культуры относит: взаимность, иерархию, равенство и пропорциональность. Взаимность как элементарная форма социального поведения предполагает совместное (коммунальное) распределение благ. Суть этой формы – комментирует другой известный антрополог Г. К. Триандис – в совместном использовании ресурсов всеми, кто принадлежит к данной группе,

в соответствии с потребностями [11. С. 192]. Иерархия обуславливает распределение и получение благ в соответствии с властными полномочиями, в конечном счете определяемыми силовыми взаимодействиями. При распределении на основании равенства ресурсы распределяются поровну, а при пропорциональном, или рыночном, распределении каждый получает соразмерно тому, сколько он дал или вложил.

Как видим, только две последние элементарные формы социального поведения – равенство и пропорциональность при распределении ресурсов – мы можем отнести к правовым, или к справедливым, в отличие от неправовых – форм поведения, ориентирующихся на взаимность и иерархию.

Г. К. Триандис подчеркивает, что данные базовые элементы по-разному могут присутствовать и сочетаться в каждой культуре, однако в каждой культуре будет по-разному ставиться акцент при использовании данных моделей [11. С. 193]. Элементарные формы социального поведения формируют культурные синдромы: взаимность и иерархия образуют коллективистский культурный синдром, правовые формы – равенство и пропорциональность – характерны для индивидуалистической культуры. Отсюда следует, что правовые принципы, нормы и правовые институты являются преимущественно компонентом индивидуалистической культуры, а между правом и индивидуалистическим культурным синдромом имеется корреляция. Этот вывод подтверждается эмпирическими исследованиями, результаты которых Г. К. Триандис свел в таблицу сопоставления характеристик людей в коллективистских и индивидуалистических культурах. Среди отличительных особенностей социального поведения индивидуалистического типа культуры в частности указываются принципы формального равенства: «формы поведения с членами ин- и аут-групп не сильно отличаются друг от друга» [11. С. 215]; самособственности – собственности на себя и свое имущество: независимость от ин-групп, «мое не должно использоваться без моего разрешения» [11. С. 216]; эквивалентного (справедливого) распределения ресурсов и использования судебных процедур [11. С. 217]. Указанные характеристики составляют основные элементы правовой организации общества и самого права как принципов, норм и институтов определяющих и/или обеспечивающих равные и справедливые меры свободы людей в социуме. Коллективистскому типу культуры присущи противоположные характеристики. В философско-социологических исследованиях также отмечается правовой характер индивидуалистической культуры, для которой характерна жизненная политика, которая проблематизирует ценности справедливости, свободы и сотрудничества [12. С. 25].

Одно из основных направлений современных научных исследований культур – это изучение ценностей, результаты которого позволяют не только дать ценностные характеристики различных культур, но показать их связь и влияние на другие компоненты общества. Мы выяснили, что ценности свободы, справедливости и формального равенства составляют преимущественно часть индивидуалистической культуры. Эти выводы подтверждаются и развиваются в исследованиях ценностей, наиболее известные из которых – базовые ценностные измерения культур Г. Ховстеде, Ш. Шварца, Р. Инглхарта.

Фундаментальные антропологические исследования Г. Ховстеде, проведенные им в конце 60-х начале 70-х годов XX века позволили выявить базовые ценностные измерения (структуры) культур: 1) индивидуализм и коллективизм (индивидуализм предполагает примат прав на обязанностями, заботу о себе и своей семье, значимость персональной автономии и самореализации, где личные достижения служат основой для формирования идентичности, коллективизм же предполагает подчинение нормам и целям группы [13. С. 81]; 2) высокая и низкая дистанция власти (члены культур с низкой дистанцией власти рассматривают уважение к личности и равенство как условия «пути к благоденствию», а члены культур с высокой дистанцией власти в качестве таких условий принимают такт, услужливость и деньги; иными словами, «путь к благоденствию» в понимании членов культур с низкой дистанцией власти включает знания, любовь и счастье, а членов культур с высокой дистанцией власти – родовитость, наследство, скупость, хитрость и временами нечестность [14. С. 59]); 3) избегание неопределенности (отражает тенденцию избегать ситуаций с неопределенным исходом)

и 4) мужественность (отражает тенденцию высоко оценивать те виды деятельности, которыми занимаются чаще всего мужчины).

Более позднее социологическое исследование ценностей было проведено Ш. Шварцем по иной шкале – автономия / принадлежность, – которая, однако, по мнению Р. Инглхарта, соответствует шкале Г. Ховстеде индивидуализм / коллективизм [13. С. 81]. «В культурах с доминирующей ценностью автономии люди рассматриваются как независимые и самостоятельные субъекты. Они культивируют и выражают свои собственные предпочтения, чувства, идеи, возможности, находят смысл в собственной уникальности... В культурах с доминирующей ценностью принадлежности жизнь наделяется смыслом посредством социальных отношений, идентификации себя с группой, общим для коллектива образом жизни, стремлением к общим целям. Такие культуры поддерживают статус-кво и ограничивают действия, которые могут подорвать групповую солидарность или традиционный порядок» [13. С. 82]. Р. Инглхарт, проводивший аналогичные исследования, но уже на более прочных методологических основах по шкале ценностей выживание / самовыражение и традиционность (религиозность) / рациональность (секулярность), отмечает не только устойчивость относительных оценок стран, проводимых по данным шкалам, но и концептуальную близость этих шкал шкалам Г. Ховстеде и Ш. Шварца [13. С. 80–81]. При этом Р. Инглхарт выявил большие межкультурные различия между странами по показателям выживание / самовыражение и традиционность (религиозность)/рациональность (секулярность)¹.

Р. Инглхарт приходит к выводу, что все три шкалы – Г. Ховстеде, Ш. Шварца и Р. Инглхарта (самовыражение / индивидуализм / автономия) – настолько коррелируют между собой, что их можно объединить в единую макрошкалу, а позиции стран по данным показателям на культурной карте мира² остаются стабильными на протяжении длительного времени. Сопоставив эти позиции с иными показателями – уровнем экономического развития, уровнем социальной, экономической безопасности и здоровья, институтами социального обеспечения и т. п., ряд ученых антропологов, социологов, политологов, психологов и др. пришли к заключению о сильной корреляции этих показателей [13. С. 34–37]. «Наша теория утверждает, – пишет Р. Инглхарт, – что ценности самовыражения должны сильно коррелировать с индикаторами экономической модернизации. Мы нашли поразительно сильные связи между ценностями индивидов и экономическими характеристиками общества, хотя эти два вида индикаторов измеряются на различных уровнях и различными способами. Во всех доступных для анализа обществах средняя корреляция между ценностями самовыражения и десятию наиболее часто используемыми показателями экономической модернизации, от ВВП на душу населения и средней продолжительности жизни до уровня образования, составляет $r = 0,77$ » [13. С. 79].

Итак, какую роль право как важнейшая социальная ценность играет в системе ценностей культуры? Результаты социологических исследований, описанные выше, свидетельствуют о том, что базовые культурные ценности, в частности правовые, являются фактором социально-экономического развития (прогресса): именно с ценностями индивидуализма, низкой дистанции власти, автономией и самовыражением личности, секуляризмом и рациональностью в значительной мере связывается социальный прогресс.

В последние десятилетия вопросы взаимосвязи культурных ценностей и социально-экономического прогресса стали объектом пристального внимания большого количества ученых, политиков и практиков [15. С. 21]. Известный экономист Д. Сакс полагает, что экономический рост, понимаемый в эмпирическом смысле, всегда был обусловлен политическими, культурными, экономическими факторами, среди которых – правовое государство, способст-

¹ «В относительно традиционных обществах до 95 % населения заявляют, что Бог очень важен для них; в секулярно-рациональных обществах таких людей примерно 3 %. В обществах, ориентированных на выживание, до 97 % населения ни при каких условиях не готовы были бы оправдать гомосексуальность; в обществах, ориентированных на самовыражение, таких людей только 6 %» [13. С. 70].

² Одна из последних культурных карт мира построена на данных Всемирного и Европейского исследования ценностей за 2008–2014 гг. [13].

вующая высокой мобильности населения культура, основанные на рыночных принципах и поддерживающие комплексное разделение труда экономические установления [15. С. 81].

Корреляции ценностей индивидуализма и социально-экономических и политических показателей были установлены еще на основе результатов исследований Г. Ховстеде. «Мы видим, – пишут Н. М. Лебедева и А. Н. Татарко, – что уровень благосостояния в выборке из 40 стран значимо коррелирует с индивидуализмом (позитивно), дистанцией власти и маскулинностью³ (негативно)» [14. С. 62]. «Выявлены значимые позитивные взаимосвязи индивидуализма с уровнем экономического и политического развития, при этом с ростом благосостояния индивидуализм приобретает обратно пропорциональную связь с экономическим ростом. Такие показатели ценностей, как избегание неопределенности и дистанция власти, в целом имеют негативные корреляции с показателями экономического и политического развития» [14. С. 65].

Правда, в одной из своих последних работ Р. Инглхарт показывает, что связь между социально-экономическим развитием и преобладанием ценностей свободы, индивидуализма, автономии, равенства (тем, что он называет «постматериалистическими ценностями») не прямая, а опосредованная чувством экзистенциальной безопасности, предопределяемым высоким уровнем социально-экономического развития страны [13. С. 37] и имеет характер «циклической причинности». Нам же важен вывод о том, что ценности свободы, формального равенства и справедливости (правовые ценности), или постматериалистические ценности, и связанные с ними иные социально-психологические особенности индивидуализма являются основными факторами прогресса. Право – фактор развития человеческой культуры и цивилизации. Именно так можно определить роль права в системе культуры.

Однако не все согласны с тезисами о взаимосвязи постматериалистических ценностей индивидуализма, автономии, рациональности с социально-экономическим развитием и их распространением в современном мире. В частности, споры вызывает позиция о росте рациональности и секуляризма.

Прослеживается интересная социальная закономерность, выявленная в ходе использования экономического метода анализа развития религий в современном мире, когда светская политика государства, на первом этапе повлекшая развитие и распространение по миру секуляризма и рациональности, снижение влияния церкви и религии на социальную жизнь и сокращение численности церковных общин, на определенном этапе обусловила трансформацию традиционной религиозности и новый виток развития религии. Стало подвергаться критике представление о падении в эпоху модернизации социальной значимости религии, росте атеизма и рациональности в социальной жизни. Возникла концепция и практика «постсекулярного» общества (Ю. Хабермас), в котором религия возвращается в социальное и, в частности, политическое пространство, адаптируется к существованию в секулярном обществе с либеральной демократией и мировоззренческим плюрализмом. П. Бергер и вовсе пишет о фальсифицированной секуляризации. Однако такая позиция представляется не вполне обоснованной.

Когда говорят о «росте или возвращении религии», десекуляризации и постсекуляризации, то в один ряд ставят такие разные с точки зрения социокультурного, а конкретно правового и религиозного развития страны, как США, Китай, Россия, европейские и арабские страны. Между тем не во всех этих культурах имела место секуляризация и рационализация в истинном понимании этих процессов и не все эти страны прошли в равной мере этап секуляризации. Поэтому мнение о приостановлении, а тем более завершении процессов секуляризации представляется как минимум преждевременным. Секуляризация и связанная с ней рационализация социальной жизни, усиление роли научного фактора – это еще далеко не завершенные процессы. При этом важно от постсекулярного состояния отличать десекуляризацию – целенаправленную государственно-властную политику, направленную на усиление роли какой-либо религии в социальной жизни, не обусловленную объективными факторами.

³ В другом переводе «мужественностью».

Смысл ее – в использовании религии и ее институтов, а также имитации защиты прав верующих через введение в законодательное и правоприменительное поле конструкции «религиозных чувств верующих» для легитимации политического властвования и отстаивания политического интереса.

Наблюдаемый в современном западном мире религиозный динамизм имеет иные особенности, чем традиционная религиозность. Это плюралистическая религиозность, связанная с новыми формами религии и видами религиозности, значительная часть из которых являются модернизированными. Конечно, нельзя отрицать и относительное усиление активности традиционных религий, что является закономерной контртенденцией развития секуляризма и научной рациональности [7. С. 55, 56].

Наиболее яркой характеристикой современности можно назвать рост плюрализма, возможный только в рамках индивидуалистической правовой культуры, ибо только правовое мировоззрение допускает плюрализм убеждений и мировоззрений и универсализацию ценностей индивидуалистической правовой культуры. «Эпоха модерна характеризуется растущей множественностью, в рамках одного общества, разных убеждений, ценностей и мировоззрений» [16. С. 9].

Право как компонент индивидуалистической культуры универсализируется, как и сама индивидуалистическая модель. В ряде случаев (рецепции законодательства) право и становится инструментом динамического изменения культурных синдромов. В современных условиях абсолютно коллективистские культуры изменяются в направлении индивидуализма, что только подтверждает тезис о влиянии культуры на экономическое и в целом социальное развитие [14]. Приоритеты развития с необходимостью обуславливают универсализацию индивидуализма, несмотря на том факт, что культурные трансформации происходят очень медленно [13. С. 47].

Третья задача данной статьи – показать, как правовые ценности изменяются вместе с изменениями культуры. Р. Инглхарт и другие ученые, занимающиеся изучением культур, показывают направленность трансформации культур в сторону развития высших постматериалистических ценностей самовыражения и рациональности – ценностей свободы, справедливости, равенства, толерантности, взаимопомощи и сотрудничества. Постматериалистические, в частности правовые, ценности получают все более широкое распространение в массовом сознании, занимают все более прочные позиции в системе индивидуальных ценностей, особенно относительно материальных, вследствие роста экзистенциальной безопасности, характерной для социально-экономически развитых обществ. Можно сделать вывод о том, что междисциплинарные исследования культур подтверждают основную социальную правовую закономерность – движение ко всё большей свободе и равенству всё большего числа людей – и позволяют рассматривать право не только как условие, но и результат социального развития, прогресса человеческой культуры.

Список литературы

1. Уайт Л. Избранное: Наука о культуре / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004.
2. Херсковец М. Д. Культурная антропология. Нью-Йорк, 1955.
3. Малиновский Б. Научная теория культуры / Пер. с англ. И. В. Утехина; сост. и вступ. ст. А. К. Байбурина. 2-е изд., испр. М.: ОГИ, 2005.
4. Нерсесянц В. С. Право-математика свободы. М.: Юрист, 1996.
5. Нерсесянц В. С. Философия права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2003.
6. Лапаева В. В. Принцип формального равенства как сущностный принцип права // Принцип формального равенства и взаимное признание права. М.: Проспект, 2016.
7. Лукьянова Е. Г., Габрелян Э. В., Лаптева Л. Е. Образы светского государства: конституционно-правовые нормы и их воплощение. М.: Дело, 2018.
8. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.

9. **Четвернин В. А.** Исторический прогресс права и типы цивилизаций // Ежегодник либертарно-юридической теории. М., 2009. Вып. 2.
10. **Четвернин В. А.** Современная либертарно-юридическая теория // Ежегодник либертарно-юридической теории. М., 2007. Вып. 1.
11. **Триандис Г. К.** Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007.
12. **Яцино М.** Культура индивидуализма. М.: Гуманитарный центр, 2012.
13. **Инглхарт Р. Ф.** Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации, как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.
14. **Лебедева Н. М., Татарко А. Н.** Ценности культуры и развитие общества. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2007.
15. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: Московская школа политических исследований, 2002.
16. **Бергер П.** Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30).

References

1. **White L.** Favorites: The Science of Culture. Moscow, 2004. (in Russ.)
2. **Herskovits M. J.** Cultural Anthropology. New York, Knopf, 1955. (in Russ.)
3. **Malinowski B.** A Scientific theory of culture. Moscow, 2005. (in Russ.)
4. **Nersesyants V. S.** Law-the Mathematics of Freedom. Moscow, 1996. (in Russ.)
5. **Nersesyants V. S.** Philosophy of Law. Moscow, 2003. (in Russ.)
6. **Lapaeva V. V.** The principle of formal equality as an essential principle of law. In: The principle of formal equality and mutual recognition of law. Moscow, 2016. (in Russ.)
7. **Lukyanova E. G., Gabrelyan E. V., Lapteva L. E.** Images of the secular state: constitutional and legal norms and their implementation. Moscow, 2018. (in Russ.)
8. **Rawls J.** The theory of justice. Novosibirsk, 1995. (in Russ.)
9. **Chetvernin V. A.** Historical progress of law and types of civilizations. In: Yearbook of Libertarian-legal theory. Moscow, 2009, iss. 2. (in Russ.)
10. **Chetvernin V. A.** Modern libertarian legal theory. In: Yearbook of Libertarian-legal theory. Moscow, 2007, iss. 1. (in Russ.)
11. **Triandis G. K.** Culture and social behavior. Moscow, 2007. (in Russ.)
12. **Yatsyne M.** Culture of individualism. Moscow, 2012. (in Russ.)
13. **Inglehart R. F.** Cultural evolution: how human motivations change how it changes the world. Moscow, 2018. (in Russ.)
14. **Lebedeva N. M., Tatarko A. N.** Values of culture and development of society. Moscow, 2007. (in Russ.)
15. Culture matters. How values contribute to Social Progress. Moscow, 2002. (in Russ.)
16. **Berger P.** Falsified secularization. *The State, religion, and the Church in Russia and abroad*, 2012, no. 2 (30). (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
09.02.2021

Сведения об авторе / Information about the Author

Лукьянова Елена Геннадьевна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории государства и права им. Г. В. Мальцева Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ, ассоциированный научный сотрудник Социологического института – филиала ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

Elena G. Lukyanova, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Head of Department of theory of state and law. G. V. Maltsev Institute for law and national security, Ranepa, associate research fellow, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

lukelena@mail.ru